

Максим Горький

Сомов и другие



Максим Горький
Сомов и другие

«Public Domain»

1931

Горький М.

Сомов и другие / М. Горький — «Public Domain», 1931

Пьеса «Сомов и другие» отражает один из важнейших периодов борьбы за социалистическое строительство в СССР, когда был раскрыт ряд заговоров, направленных к подрыву экономической мощи СССР с целью ослабления, а затем и свержения Советской власти и восстановления капитализма.

Содержание

| | |
|-----------------------------------|----|
| Действующие лица | 5 |
| Первый акт | 6 |
| Конец ознакомительного фрагмента. | 16 |

Максим Горький

Сомов и другие

Действующие лица

Сомов – инженер, лет 40, говорит суховато; под его сдержанностью чувствуется сильное нервное напряжение, в сценах с матерью – резок и даже груб, в сцене с женой, обнаруживая своё честолюбие, откровенен не потому, что говорит искренно, а потому, что проверяет себя.

Анна – его мать, – лет 60, женщина бодрая, хороших «манер».

Лидия – лет 27, ленивые движения, певучий голос, жить ей одиноко и скучно; Арсеньева оживляет воспоминания юности её, и потому она тянется к ней.

Яропегов – лет 40–42, – школьный товарищ Сомова, человек, которого Лидия объясняет правильно.

Богомолов – лет 60, – обижен, обозлён.

Изотов – лет 55, – картёжник, любит поесть, выпить.

Троеруков – неудавшийся авантюрист, человек, способный на всё из мести за свои неудачи.

Титова – лет 45, – толстая, пошлая, неглупая.

Арсеньева – лет 30, – человек, увлечённый своим делом.

Терентьев – лет 35, – рабочий, директор завода, добродушен.

Дроздов – лет 30, – красив, суров, недоверчив.

Китаев – лет 30.

Крыжов – за 60 лет.

Семиков – лет 25–23, – вялый парень.

Миша – лет 20.

Дуняша – тоже.

Людмила – 18–20 лет.

Фёкла – за 60 лет.

Лисогонов – тоже.

Силантьев – лет 45.

Первый акт

Новенькая, деревянная дача. Терраса; у стола – Анна Сомова, в капоте, пенсне; читает газету; перед нею – кофейный прибор.

Дуняша. Спекулянт масло принёс.

Анна. Во-первых: надо говорить – частник, а не спекулянт.

Дуняша. Мы так привыкли.

Анна. Спекулянт – обидное слово, обижать людей – дурная привычка. Во-вторых: где Фёкла?

Дуняша. Ушла куриц покупать, что ли...

Анна. Пусть Силантьев подождёт.

Дуняша. Он денег хочет.

Анна. Просит, а не – хочет.

Дуняша. Не хотел бы, так не просил.

Анна. Вы говорите много лишнего. Пусть придёт сюда. – *(Сердито, через газету смотрит вслед Дуняше. Отшвырнув газету, подходит к перилам террасы. На лестнице Силантьев, мужик лет 45.)* Здравствуйте, Силантьев!

Силантьев. Доброго здоровья, Анна Николавна.

Анна. Ну, что у вас, как – дочь?

Силантьев. Плохо.

Анна. Не помогает доктор?

Силантьев. Нет. Да ведь какой она доктор, извините...

Анна. Что ж она говорит?

Силантьев. Да ведь что ей говорить? Она не её, она – меня всё лечит. Не так, видишь ты, думаю я, не её мыслями. Я ей говорю: «Ты – брюхо лечи, а не душу, душу лечить – дело не твоё! Ты, говорю, себе душу-то полечи».

Анна. Очень жаль, что Маша захворала, я так привыкла к ней.

Силантьев. Новая-то у вас бойка больно.

Анна. Да, вот до чего дожили мы, Силантьев!

Силантьев. Не говори! Дышать нечем. Комсомол этот, Мишка: «На Кавказ, говорит, надобно Марью-то». Это – в старину солдат на Кавказ посылали, а она девка.

(Сомов вышел, стоит у стола, разбирая газеты, прислушивается.)

Силантьев. Учит меня: «Ты, говорит, богатый, а для дочери денег жалеешь».

Анна. Они – завистливы на чужое богатство.

Силантьев. Ну да! Понимают, что человек без денег – как птица без крыльев...

Анна. А всё, что у нас отняли, – промотали...

Сомов. Надо бы кофе...

Анна. Ах, ты здесь? Позвони...

Сомов. Не действует звонок. Вы уж сами...

Анна. Идите в кухню, Силантьев, я там расплачусь с вами.

Силантьев. Дрова тут возил я вам. Да за двух зайцев...

[Силантьев уходит.]

Анна. Хорошо, хорошо! *(Подходит к двери, звонит.)* Звонок действует.

Сомов. Не одобряю я эти твои беседы.

Анна. Ах, вот почему не звонит звонок! Ты что хочешь, чтоб я онемела, когда все кругом возмущены?

Сомов. А ты организуешь возмущение, да?

Анна. Мне кажется – с матерью не следовало бы говорить иронически! И даже не поздоровался.

Сомов. Прости. Но твои «беседы с народом», вроде этого торговца, Лисогонова и...

Анна. Ты считаешь глупыми? Нет, уж ты разреши мне это! Ты живёшь с умниками, а я привыкла жить с глупыми, но честными...

Сомов. Я должен сказать, что мне особенно не нравится этот, хотя и полуумный, но подозрительный учитель пения...

Анна. Он – учитель истории, а пению учит по нужде. Ты ведь знаешь, что теперь в России истории нет...

Сомов. Послушай, мама...

[Входит Яропегов.]

Яропегов. Бонжур¹, мадам! Николай, у тебя в спальне мухи есть?

Сомов. Есть.

Яропегов. Советую: бей мух головной щёткой!

Сомов. Нелепая у тебя привычка начинать день глупостями!

Яропегов. Это – не глупости, а ценное открытие. Я вчера, ложась спать, перебил щёткой несколько десятков мух. Кстати – об открытиях: Иваненко сообщает, что открыл богатейшие залежи полиметаллической руды. Везёт советской власти!

Анна. А – кто везёт? Это – вы, вы везёте! Страшно подумать, что вы делаете... *(Возмущена почти до слёз, уходит, говоря.)* Только и слышишь: там открыли, тут нашли... Ужас!

Яропегов. Боевое настроение мамы всё повышается...

Сомов. Здесь это ещё более неуместно, чем в городе.

Яропегов. Ты хотел весной отправить её и Лидию за границу?

Сомов. Неудобно было хлопотать.

(Дуняша вносит кофе.)

Яропегов. Как спали, Дуня?

Дуняша. Лёжа, Виктор Павлович.

Яропегов. А что во сне видели?

Дуняша. Ничего не видала, я сплю закрыв глаза.

Яропегов. Bravo!

[Дуняша уходит.]

Сомов. Дерзкая девчонка.

Яропегов. Очень милая курочка!

Сомов. Я смотрю на неё не с точки зрения петуха.

Яропегов. Ты что сердисься? Не выспался?

Сомов. Вчера Терентьев наговорил мне комплиментов, с этим, знаешь, чугуном его простодушием. И кончил так: «Замечательный, говорит, вы работник, товарищ Сомов, люблюсь вами и думаю: скоро ли у нас свои такие будут?»

Яропегов. Ну, и – что ж? Чувствует, что мы не товарищи, а или гуси или свиньи.

Сомов. Ты всё шутишь, Виктор, грубо и неумно шутишь. Смазываешь себя жиром шуточек, должно быть, для того, чтоб оскорбительная пошлость жизни скользила по твоей коже, не задевая души.

Яропегов. Какой язык!

Сомов. И забываешь о том, что нам необходимо полное доверие с их стороны.

Яропегов. Я склонен думать, что пользуюсь таковым.

¹ Добрый день *(франц.)* – Ред.

Сомов. Ты! Доверие необходимо нам всем, а – не единице! Против нас – масса, и не надо закрывать глаза на то, что её классовое чутьё растёт. Ты читаешь им что-то такое, ведёшь беседы по истории техники, что ли... они принимают это как должное...

Яропегов (*смеётся*). Они лезут ко мне в душу, точно в карман, где лежат их деньги. Говоря правду – мне это нравится.

Сомов. То есть тебя это забавляет, но ты ошибаешься, думая, что они относятся к тебе лучше, более доверчиво, чем ко мне, Богомолу.

[Входит Фёкла.]

Фёкла. Николай Васильич...

Сомов. Что вам нужно?

Фёкла. Анна Николаевна спрашивает: придёт к завтраку кто-нибудь?

Сомов. Да. Двое.

Фёкла. А что готовить?

Сомов. Ну... Всё равно!

Яропегов. Что у вас есть?

Фёкла. Курочка есть хорошая.

Яропегов. Опять курочка! Побойтесь бога...

Фёкла. Нет уж, покорно благодарю, боялась, да перестала! Телятина есть.

Яропегов. Фёкла Петровна, – неужто бога-то не боитесь?

Фёкла. Нет, Виктор Павлыч, весёлый человек, не боюсь! Я – старушка неверующая, мне бог столько судьбы-жизни испортил, – вспомнить горестно! Так чего же готовить? Мозги есть.

Яропегов. Мозгов у нас своих избыток.

Фёкла. А – не хватает завтрак заказать.

Сомов. Послушайте, идите к жене...

Фёкла. Почивает ещё.

Сомов. Ну... Вы мешаете нам!

Фёкла. Так я – ушла. А опоздает завтрак, уж не моя вина. *[Уходит.]*

Сомов (*раздражён*). Удивляюсь, как ты можешь болтать с этой дурой!

Яропегов. Это, брат, замечательная старуха! Жизнь её – сплошная драма, но она рассказывает её в юмористическом тоне!

Сомов. Ах, пошли ты её к чёрту!

Яропегов. Нет, ты попробуй, вообрази драму в юмористическом тоне...

Сомов. Послушай, ты нарочно дразнишь меня?

Яропегов. Тебя вот оцарапало простодушие Терентьева, и ты уже – готов! Воспринимаешь жизнь трагически.

Сомов. Брось болтать чепуху, Виктор.

Яропегов. У тебя, брат, кислая дворянская закваска, а у меня: дед – дьякон, отец – унтер-офицер...

Сомов. Ах, не говори пошлостей...

Яропегов. Ну, брат, классовая заквасочка – не подлость, это ты бухнул зря!

(Пауза.)

Сомов. Геологи чересчур много открывают. Рентабельность этих открытий весьма сомнительна. Протасов сравнивает геологов с девицами, которые, торопясь выйти замуж, слишком декольтируются.

Яропегов. То есть хотят угодить властям? Я слышал, что последний доклад его – насквозь антисоветская пропаганда.

Сомов. Чепуха! Просто он – как всегда – грубовато говорил...

Яропегов. Вообще у вас тут атмосферочка ядовитая. Это – что? Воздействие шахтинского процесса?

Сомов. Ядовитости – не замечаю, а «самокритика» сильно растёт. Ну, разумеется, и шахтинское дело нельзя забыть. Кроме того, разлад в Кремле...

Яропегов. Возбуждает надежды?

Сомов. Говорит о том, что товарищи трезвеют.

Яропегов. Гм? Так ли? По-моему, лучшие из них – неизлечимые алкоголики от идеологии. Идеологии у них – девяносто процентов.

Арсеньева (*входит на лестницу*). Лидия Борисовна дома?

Сомов. Да. У себя. Пожалуйста...

Яропегов. Это – что?

Сомов. Учительница, подруга жены по гимназии.

Яропегов. Какая... гм! Партийка?

Сомов. Не знаю, не знаю! Слушай, Виктор, к завтраку приедет Богомолов...

Яропегов. Настраиваюсь благоговейно.

Сомов. Он, вероятно, начнет говорить о фабрике Лисогонова, о её восстановлении, расширении и так далее. Я – решительно против этого. Не вижу смысла реставрировать и обогащать мелкие предприятия туземцев. Ты знаешь мою точку зрения: ориентация на европейца, на мощность... Советская власть должна вернуться к концессиям, иначе...

Яропегов (*закуривая*). И так далее. В общем – гениально.

Сомов. У Богомолова – личные причины, какая-то старая связь, даже, кажется, родство с Лисогоновым. (*Гудок автомобиля.*) О, чёрт! Кто это?

Яропегов. Терентьев. И этот, новый, его заместитель.

Сомов. Не очень приятная фигура.

Яропегов. Интересный парень, кажется.

[*Входят Терентьев и Дроздов.*]

Терентьев. Почтение строителям!

(*Дроздов молча пожимает руки.*)

Сомов. Добрый день, Иван Иванович...

Терентьев. День – хорош, да вот из Москвы – нагоняй нам. Читали?

Сомов. Нет. Где?

Терентьев. А – вот!

Яропегов (*Дроздову*). Курите?

Дроздов. Спасибо.

Яропегов. Охотник?

Дроздов. Балуюсь. А – как вы догадались?

Яропегов. Видел вас в лесу с ружьём.

Дроздов. Ага! (*Отходит в дальний угол террасы.*)

Сомов. Ну, это пустышки!

Терентьев (*вздыхая*). Самокритика, конечно...

Сомов. Да, загибают...

(*Лидия, Арсеньева – выходят из комнаты.*)

Лидия. Может быть, ты позовёшь товарищей к себе?

Сомов. Да. Пожалуйста, Иван Иванович.

Терентьев (*пристально и удивлённо смотрит на Арсеньеву, зовёт*). Борис – идём!

(*Трое ушли. Яропегов остался, сидит на перилах.*)

Лидия (*звонит*). Да, очень скучно! В городе все недовольны, живут надув губы, ворчат, сплетничают на партийцев, рассказывают старые московские анекдоты.

Арсеньева. Город затхлый.

Лидия. И ни одной шляпы к лицу нельзя найти.

Арсеньева. А ты сама сделай.

Яропегов. Зато – легко потерять лицо.

Лидия. Вы зачем тут подслушиваете? Знакомьтесь: Виктор Павлович Яропегов, Екатерина Ивановна Арсеньева.

Яропегов. Весьма рад!

Лидия. Я – не умею делать шляп. И вообще ничего не делаю.

Яропегов. Это – лучше всего гарантирует от ошибок.

Лидия. Жалкая ирония. Вот вы, инженеры, делаете и всё ошибаетесь, и вся ваша деятельность – ошибка.

Яропегов. Совершенно так же думает Анна Николаевна. С её политико-эстетической точки зрения в сельском пейзаже церковь гораздо уместнее, чем фабрика.

(Дуняша – в дверях.)

Лидия. Кофе, Дуняша, кофе! И хлеба. Вы ужасно медленно спешите на звонки.

Дуняша. Наверху была. *[Уходит.]*

Яропегов. Вы, я слышал, учительница?

Арсеньева. Да.

Яропегов. Совершенно не похожи.

Арсеньева. Это – порицание или комплимент?

Яропегов. Комплименты говорить вам я не решаюсь, да и времени для этого много требуется.

Арсеньева. Мне приятно, что вы дорожите временем.

Лидия. Ты, Катя, осторожнее с ним, он отчаянный ухажёр, как теперь говорят.

(Дуняша приносит кофе.)

Сомов *(кричит)*. Виктор!

Яропегов. Пардон² *[Уходит.]*

Арсеньева. Кто это?

Лидия. Приятель мужа, был женат на сестре его, овдовел. Очень талантливый, забавный, пьяница, немножко – шут, нахал и бабник. Вот, если хочешь замуж...

Арсеньева. Нет, спасибо! После такой характеристики – расхотелось.

Лидия *(смеётся)*. Ты удовлетворена жизнью?

Арсеньева. Нет, конечно. Я даже и не представляю, как можно быть удовлетворённой в наше время.

Лидия *(подумав)*. Это ты сказала что-то серьёзное, я не понимаю!

Арсеньева. Очень просто понять. Людей, для которых жизнь была легка и приятна, – не может удовлетворить то, что она разрушается, а те, кто разрушает, – не удовлетворены, что разрушается она не так быстро, как хотелось бы.

Лидия. Вот какая ты стала... философка! И тебе искренне хочется, чтоб старая жизнь скорее разрушилась?

Арсеньева. Да.

Лидия. Как просто! Да, и – всё! Но ведь ты сказала, что не партийка?

Арсеньева. Я сочувствую работе партии.

Лидия *(вздыхнув)*. Ты была такая... независимая! Не понимаю, как можно сочувствовать, когда все против партии.

Арсеньева. Все, кроме лучших рабочих. И ведь вот муж твой и его друг...

Лидия. Ну-у, муж!.. Он скрепя сердце, как говорится...

Арсеньева. Разве?

² Извините *(франц.)* – Ред.

Лидия. А Яропегов, он, знаешь, едва ли вообще способен чувствовать, сочувствовать. Он такой, знаешь... пустой! Вот он – независим. Сочувствовать – значит, уже немножко любить кого-то, а любовь и независимость не соединяются, нет!

Арсеньева. Ты замени кого-то чём-то.

Лидия. Не понимаю! И – вообще – что случилось? Фабрики всегда строили.

Арсеньева. Строили, да – не те люди и не для того, для чего теперь строят. Вот тебе нравится независимость, но она будет возможна для одного только тогда, когда все будут независимы.

Лидия. Это и называется – утопия? Кстати: ты купалась?

Арсеньева. Да.

Лидия. Удивительно ты говоришь – да! Вот идёт Миша.

Миша. А, чёрт...

Лидия. Он всегда ругается.

Миша. Вовсе не всегда.

Лидия. Надо сказать: здравствуйте, а он говорит: чёрт!

Миша. Китайские церемонии! А у вас тут гвозди торчат, взяли бы молоток да забили.

Лидия. Не хочу забивать гвозди! Садитесь, кофе дам.

Миша. Не хочу. Товарищ Арсеньева...

Лидия. Знаешь, товарищ Арсеньева, Миша влюблён в меня.

Миша. Я? В вас? Ну, уж это – дудочки! Вы даже и не нравитесь мне.

Лидия. Серьёзно?

Миша. Ну, конечно!

Лидия. Я очень рада, если так.

Миша. Да уж так! А радоваться – нечему. И – неправда, что вы рады. Интеллигенты любят нравиться, всё равно кому...

Лидия. Вы успокоили меня, Миша!

Миша. Успокоил? Эх вы... Чем это я вас успокоил? И вовсе вы ничем не беспокоились. Мешаете только...

Лидия. Я – молчу.

Арсеньева. Вы, Миша, не в духе?

Миша. Да что же, товарищ Арсеньева!.. Бюрократ этот, Дроздов, доски для эстрады запретил брать на стройке, как же мы расширим эстраду? Китаев – разрешил, а он – нельзя! Тоска! И тоже всё шуточки шутит, как будто интеллигент какой-нибудь.

Арсеньева. Дроздов – здесь, я поговорю с ним.

Лидия. Пейте кофе, Миша!

Миша. Ладно. То есть – спасибо! И потом к занавесу надобно два полотнища пришить, а он говорит – это пустяки! Флаги истрёпанные, и мало флагов... И, говорит, вы должны действовать самообложением, а – каким чёртом мы самообложимся?

Лидия. Ох, Миша...

Миша (*успокоительно*). Ну, ничего! Вы сама тоже, поди-ка, здорово ругаетесь, это и по лицу видно. Без этого – не проживёшь... Мы и так за месяц утильсырья сдали на сорок семь рублей да на укреплении плотины заработали семьдесят три, так ведь на ремонт избы-читальни да по ликбезу...

(*Терентьев, Дроздов, Сомов.*)

Терентьев. Значит – так: вы едете на фабрику, я побегу взглянуть, что делают на стройке.

Арсеньева. Можно вас на пару слов?

Дроздов. Всегда готов! (*Идут, Миша за ними.*)

Сомов. Хотите кофе, Иван Иванович?

Терентьев (*глядя вслед уходящим*). С удовольствием. С удовольствием.

Сомов. До свидания. (*Ушёл.*)

Терентьев. Погода-то, Лидия Петровна, а? Отличная погода!

Лидия. Очень хорошая погода.

Терентьев. Именно! Это... эта женщина – кто такая?

Лидия. Учительница в Селищах, подруга моя.

Терентьев. Та-ак. Что же это я её не видал раньше?

Лидия. Да она здесь только с осени и недавно воротилась из Москвы...

Терентьев. А вы... давно знаете её?

Лидия. В гимназии учились вместе.

Терентьев. В каком городе?

Лидия. В Курске.

Терентьев. Ага! Вот оно что!

Лидия. Что это вас обрадовало?

Терентьев. Тут... случай такой! Черносотенный городок! Я был в нём при белых.

Лидия. Ужасные дни!

Терентьев. Да, на войне страшновато. Особенно – ежели отступить. Наступать – это очень легко.

Арсеньева (*возвращается*). Ну, Лида, мне нужно идти в село.

Терентьев. Погодите-ко, позвольте... то есть – извините! Ведь вы – дочь доктора Охотникова?

Арсеньева. Да. Но я вас не помню...

Терентьев. Ну – где же помнить! Однако это я самый лежал у вас, в квартире, в Курске, раненый...

Арсеньева. Фёдор... забыла как! Узнать вас трудно.

Терентьев. Ещё бы! Почти восемь лет прошло. К тому же я тогда был Степан Дедов, а настоящее имя моё Иван Терентьев. И растолстел, всё в автомобилях живу. Вот видите – встретились, а? Чёрт знает что! Учительствуете?

Арсеньева. Да.

Терентьев. Так. В партии?

Арсеньева. Нет.

Терентьев (*несколько огорчён*). Почему?

Арсеньева. Сразу не расскажешь.

Терентьев. А я думал, что вы, после того – в партию! Ваше поведение...

Арсеньева. Ну, какое же поведение!

Терентьев. Однако – риск!

Арсеньева. Тогда не одна я рисковала.

Терентьев. Нашли бы меня у вас – пуля вам или – вешалка... Ну, а отец?

Арсеньева. Его, как врача, мобилизовали белые, а на другой день какой-то пьяный офицер застрелил его...

Лидия. Как ты... спокойно!

Терентьев. Та-ак! Хороший был человек! (*Лидии.*) «Вы, говорит, желаете жить? Ну, так делайте что вам велят!» (*Смеётся.*) Вот история! И – даёт рыбий жир. Противная жидкость, да и команда эдакая: делай, что велят! А я с девятнадцати лет делал чего не велят, и мне уже было двадцать семь. В тюрьме сидел, в ссылке был, бежал, работал нелегально, считал себя совсем готовым человеком. И – вдруг: делай что велят, пей рыбий жир! Положим, кроме рыбьего жира, питаться нечем было. (*Арсеньевой.*) Его ведь звали Иван Константинович? Что ж, Катерина Ивановна, – по всем правилам нам следует возобновить знакомство?

Арсеньева. Я – не прочь.

Терентьев. Чудесно! (*Лидии.*) Заговорили мы вас? То есть это я заговорил...

Лидия. Нет, что вы! Мне интересно... Хорошо встретились вы...

Терентьев. Хорошо? Да, бывает.

Дроздов (*за террасой*). Катерина Ивановна – ждём! Ваня всегда с дамами.

Терентьев. Это – с больной головы на здоровую.

Дроздов. Ты, Ваня, с Катериной Ивановной осторожно, она – человек враждебный нам.

Терентьев. Не верю!

Арсеньева. Не нам, а – вам, товарищ Дроздов. До свидания, Лида.

Лидия. Ты вечером придёшь?

Арсеньева. Нет.

Лидия. Приходи!

Арсеньева. Не могу, дело есть. (*Идёт с Дроздовым.*) Так вы не забудете?

Дроздов. Всегда готов служить вам.

Арсеньева. Не мне, а ликбезу. Я в услугах ваших не нуждаюсь.

Дроздов. Строго.

(*Арсеньева и Дроздов уходят.*)

Терентьев (*задумчиво глядя вслед им*). Ну, пойду и я. До свидания.

(*Лидия одна, позванивает чайной ложкой по графину с водой.*)

Дуняша (*входит*). Лисогонов пришёл...

Лидия. Вы знаете, что Николай Васильевич уехал. Пусть он идёт к Анне Николаевне.

Дуняша. Он вас спрашивает.

Лидия. Я не могу принять его.

(*Входит Лисогонов.*)

Дуняша (*усмехаясь*). А он уж кругом обошёл, старый чёрт...

Лисогонов. Разрешите, уважаемая...

Лидия (*встаёт*). Что вам угодно? Я чувствую себя плохо.

Лисогонов. Все, все плохо чувствуют себя! Местность нездоровая, болото близко, – местность эта не для интеллигентных людей... Рабочие, конечно...

Лидия. Вы именно ко мне, да?

Лисогонов. Именно-с! Вот вы на спектакле сожаление выразили, что теперь нельзя достать кружев старинных. Действуя по симпатии, всё можно достать! И вот-с мамыши моей кружева желал бы преподнести...

Лидия. Простите, я должна... распорядиться... [*Уходит*]

Лисогонов (*прячет кружева, ворчит*). Дура, дура... (*Надулся, покраснел.*)

(*Анна Сомова, Титова.*)

Анна. Здравствуйте, Евтихий Антонович!

Лисогонов. Нижайшее почтение!

Титова. Чего в карман прячешь, Евтихий, человек тихий?

Лисогонов. Платок.

Титова. Двадцать лет человека знаю и – хоть бы что! Замариновался, как гриб в уксусе.

Лисогонов. В слезах замариновался.

Титова. Чужих слёз ты много пролил, это известно!

Лисогонов. Любишь ты, Марья Ивановна, насмешки...

Титова. А что мне любить осталось?

Анна. Лидия сказала – кружева продаёте?

Лисогонов. Я? Нет. То есть я хотел... но могу и продать.

Анна (*рассматривает кружева*). Русские...

Лисогонов. Не знаю-с. (*Титовой.*) Нам, обойдённым людям, смеяться друг над другом не следовало бы.

Титова. Разве я со зла смеюсь? Я – от удивления. Гляжу вот на тебя, сома, и – смешно: как это сом допустил, что ерши на сухое место загнали его и стал он ни рыба, ни свинья?

Анна. Марья Ивановна грубовато говорит, такая у неё манера, а говорит она всегда умно.

Лисогонов. За это, за ум и прощается ей...

Титова (*рисуясь*). И на пролетариев смотрю – удивляюсь! Ах ты, думаю, пролетариат, пролетариат, и куда ты, пролетариат, лезешь?

Лисогонов. Н-да... Величайшие умы и силы, от Христа до Столыпина, пробовали жизнь по-новому устроить...

Анна. Надолго испортили жизнь.

Титова. А, бывало, придёшь к частному приставу, дашь ему кусочек денег, скажешь: «Ах, какой вы чудный!» Верит, идиот, и способствует.

Анна. В полиции офицера гвардии служили...

Лисогонов. И все были сыты...

Титова. И везде, на всех видных местах, благожелательные идиоты сидели...

Анна (*обиженно*). Но – почему же идиоты?

Титова. Так уж теперь считают их, а они, конечно, просто благожелательные были. Я хорошо людей знаю, у меня ведь магазин модный был и отделенные наверху для маленьких удовольствий. Посещали меня всё богачи да кокоточки, генералы да ренегаты...

Анна. Позвольте, – какие ренегаты?

Титова. Ну, эти... как их? Деренегаты.

Анна. Дегенераты?

Титова. Вот, вот! Попросту – выродки...

Анна. Смешная вы.

Титова. Я – добрая, я никого не хаю, все люди кушать хотят и удовольствия немножко.

Лисогонов. И уж не так жадны, брать – брали, да – не всё! А поглядите, до чего теперь жадно стали жить!

Анна. Да, да! Всякую дрянь собирают, какое-то утильсырьё, это в России-то! Какой стыд перед Европой!

Титова. А что им Европа? Они вон мордву грамоте научили...

(*Дуняша – выглянула с половой щёткой в руке.*)

Анна. Пойдёмте в лес, посидим там.

Титова.

На песочке, над рекой,
Где приволье и покой.

Лисогонов. Земля у нас золотом плюётся, так сказать...

Анна. Как ваши дела?

Лисогонов. Да – что же? Вокруг – строятся, а мой заводик стоит, как был. Случится что-нибудь... переворот жизни, например, – у всех прибыло, всем – пристроено, а я окажусь, как есть, в нищих...

Титова. Врёшь, Евтихий! Деньжонки у тебя есть...

Лисогонов. Какие? Где?

Титова. Золотые. Спрятаны.

Анна. Сколько же вы хотите за кружево?

Лисогонов. Да... как сказать? Кружево редкое.

(*Ушли. Дуняша вышла, убирает со стола, напевая. Метёт.*)

(*Входит Фёкла.*)

Фёкла. Ты что это, Дунька, замёрзла? Скоро час, а у тебя не убрано.

Дуняша. Не хулигань, старуха! Вон тараканы-то, только что выползли отсюда.

Фёкла. Титова-то бо-огатая была! Дом свиданий держала в Москве.

Дуняша. Это что за дом?

Фёкла. Вроде публичного для замужних.

Дуняша. Старик тут о перевороте говорил.

Фёкла. А о чём ему говорить? Они все тут кругом только об этом и говорят. *(Взяла два куска сахара.)* Без стыда, без страха. Вон они уселись, три мухомора.

Дуняша. Ты бы сахар-то не брала.

Фёкла. Ничего, я – не себе, а ребятишкам сторожа. *(Смотрит в деревья.)* Ты на кого сердишься?

Дуняша. Рабочая, крестьянская власть, а господа остались, – вот на кого.

Фёкла. Не сердись, они – старенькие, помрут скоро! Глупые. В старости надобно бы хорошо жить, в старости – ни жарко ни холодно, ничему не завидно.

Дуняша. Замолола!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.